

С.В. Степанова, С.К. Шишкина

DOI: 10.25693/SVGV.2020.33.4.004

УДК 94(=512.157)(470)

Якутия в составе России: истоки межнационального диалога

В статье представлена актуальная проблема новой интерпретации истоков и характера взаимоотношений России и национальных регионов. Современные методологические подходы позволили рассматривать на примере вхождения Якутии в состав Русского государства в XVII в. историю их взаимоотношений не как колониальное иго, а как межкультурный диалог. Пересмотрена роль якутского тойоната, национальной элиты и интеллигенции во многом как позитивной и прогрессивно-демократической общественной силы. Проанализированы действия якутского тойоната, национальной элиты и интеллигенции в разных исторических периодах, повлиявших на замену формата взаимоотношений «центр – национальные окраины». Так, в XVII в. существовала двоякая внутренняя реакция якутского общества на приход русских отрядов, а затем служилых людей: во-первых, враждебное отношение кангаласцев во главе с Тыгыном; во-вторых, стремление к мирному сотрудничеству борогонцев во главе с Логуем и намским князем Мымахом как осознание силы и мощи Русского государства во избежание кровопролития. Со второй половины XVII в. и в XVIII в. налаживание личных контактов якутской элиты с правителями России, поездки якутских князцов оказывались эффективными и конструктивными. С самого начала этот фактор определил дальнейший характер взаимоотношений центра и национальных окраин как диалоговый.

Ключевые слова: национальная элита, цивилизация, диалог, колонии, тойонат, наказания

За почти 400-летие пребывания Якутии в составе России накоплен уникальный исторический опыт. В отечественной историографии в разные периоды он оценивался неоднозначно: в советской науке как колониальный, а в современной – диалогический.

Между тем научная и политическая актуальность проблемы в свете изучения российского федерализма неизмеримо возрастает. До сих пор не преодолена полностью односторонность и идеологическая ангажированность советской историографии [Федерация: проблемы... 2007, с. 5, 12–34]. В полной мере не применяется современный интегральный мультиперспективный подход, открывающий возможность диалога и всестороннего изучения на основе принципов историзма и многофакторности. Хотелось бы обратить внимание на территориально-этнические аспекты российской модели федерализма, на исторический опыт развития национальной государственности российских народов в форме их стремления на реализацию естественных прав на национальное самоопределение [Федерация: проблемы... 2007, с. 337–338].

Кроме того, в якутской историографии появились исследования о том, как якутское общество начале XVII в. воспринимало появление русских землепроходцев, о первых контактах коренного населения с русскими служилыми людьми, а затем с представителями российской администрации. Постепенно стала раскрываться завеса «якутской части» исторической ситуации в начале XVII в. [Иванов, 1999; Иванов, 2007а, с. 251–268; Борисов, 2002; Борисов, 2007, Борисов, 2010; Борисов, 2017, с. 36–41].

Современные авторы считают, что якуты в начале XVII в. находились в переходном периоде от родоплеменных отношений к социальным, когда оформились уже 2 крупные общественные силы: союз кангаласцев во главе с Тыгыном и намско-борогонский союз во главе с Логуем и Мымахом [Борисов, 2017, с. 21; Иванов, 1999, с. 148–151]. К приходу русских казачьих отрядов они отнеслись по-разному. Кангаласцы во главе с Тыгыном пришельцев встретили весьма враждебно, настороженно. Борогонцы во главе с Логуем и Намцы во главе с Мымахом смогли реально оценить соотношение сил и ситуацию в

целом, поэтому названные князцы пошли на сотрудничество с русскими служилыми людьми.

Следует отметить, что так называемые «соправленцы», осознав и оценив случившееся после некоторых стычек, начали выстраивать мирные отношения с пришельцами. Таким образом, подтвердился вывод многих исследователей о мирном вхождении Якутии в состав Русского государства. Подтверждается и вывод о цивилизирующей роли России, которая проводила достаточно щадящую экономическую политику, сохранила и традиционный хозяйственный уклад, не ломала социальную структуру общественной жизни, обычное право якутов. Российская юрисдикция вводилась постепенно и учитывала местную специфику [Иванов, 1999, с. 150–151].

Применение политико-административных и экономических методов вместо военно-мобилизационных методов исследователями отмечалось как одно из различий в политике по управлению аборигенами освоенных территорий. Оно объяснялось, во-первых, причислением аборигенов к подданным государства в целях распространения на них податных обязанностей и исполнения их, во-вторых, «в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль» [Борисов, Дамешек, 2011, с. 124]. Также отмечается, что Российское государство распространяло на освоенные территории общенациональный политико-административный, хозяйственный и социокультурный уклад. Это втягивало народы в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему. Другие же державы поглощали аборигенное население [Дамешек, 2003, с. 8].

В 1637 г. был создан Сибирский приказ, вводилось воеводское правление, Якутская приказная изба. Русская администрация устраняла возникавшие родоплеменные распри, а местное население жаловалось на произвол представи-

телей власти. Якутские князцы осознали необходимость правового регулирования спорных вопросов на основе российского законодательства, а также с помощью прямых контактов с российскими царями, затем императорами.

Еще с 1646 г. якутские тойоны добивались разрешения на поездку в Москву. Первыми посланцами народа саха в 1660 г. стал Ника Мымаков с братьями. Они подали царю Алексею Михайловичу челобитную от имени Якутского уезда, созданного в 1638 г., об уменьшении ясака и невзимания его с умерших [Борисов, 2017, с. 40].

В 1676 и 1680 гг. в Москве дважды побывала якутская делегация во главе с внуком Тыгына Мазары Бозековым. На этот раз якуты жаловались на произвол воеводы Барнешлева и одновременно просили учредить должности улусных голов.

В 1676–1677 гг. на переговоры с царем Федором Ивановичем ездила другая представительная делегация в составе того же Мазары Бозекова, намского князца Нокто Никина и Трека Осюркаева из мегинской волости. Они считали себя представителями 35 волостей, т.е. всего ясачного населения Якутии. В их челобитной, кроме требований об ограничении ясака и произвола при его взимании, имелись пункты о расширении властных полномочий тойонов по части передачи им судебной власти над сородичами, передачи им функций сборщиков ясака [Иванов, 2007б, с. 38–43].

По царскому указу от 9 февраля 1677 г. было отменено взимание ясака с «мертвых душ». Князцы и лучшие люди допускались к рассмотрению судебных дел по сбору ясака. Это был значимый шаг к укреплению местной власти. Князцы осознали эффективность и необходимость активного сотрудничества с царской администрацией в целях расширения своих полномочий. Для закрепления официального статуса своей власти тойоны стали добиваться титула князцов. В числе первых князцами стали именоваться с 1682 г. потомки Тыгына и Логуя Мазары Бозеков (внук Тыгына), Чука Капчиков (внук Логуя), Чугун Бодоев. В дальнейшем титул князцов получали практически все крупные тойоны. Этот факт объективно способствовал консолидации верхушки якутского общества, расширял и повышал авторитет тойоната, их самосознание как представителей народа саха.

Последующее время показало, что наиболее образованная и прогрессивно мыслящая часть тойоната оформилась в национальную интеллигенцию (П.А. Афанасьев, М.А. Афанасьев, Е.Д. Николаев, В.В. Никифоров и др.), возглавившую национально-демократическое движение в Якутии в конце XIX – начале XX в. На волне Первой русской революции в начале XX в. они создали первую политическую партию «союз инородцев-якутов» во главе с В.В. Никифоровым. Главными задачами были заявлены демократические свободы и самоуправление якутов в рамках Российской империи. Во всем этом существенная роль принадлежит образованной части населения, идеи и взгляды которой относительно своего народа выступают как генератор социальных преобразований, решений проблем в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества [Степанова, 2006, с. 6, РГИА РФ Ф.1363, Ф.124, Ф.1276, Государственный архив Иркутской области Ф.24, 788; НА РС(Я) Ф.29, 36, 50, 192, 206, 429]. Видимо, следует согласиться с немецким историком А. Капеллером, утверждавшим, что революционные события 1905–1907 г. придали значительный импульс национальным движениям нерусских народов, они стали для них настоящей весной народов [Капеллер, 1999, с. 100–109; Капеллер, 2000, с. 145].

Отметим, что сотрудничество верхушки якутского общества с областной администрацией продолжалось и в последующие годы. Оно позитивно сказывалось на характере взаимоотношений во всех сферах экономического, социального, политико-правового и культурно-духовного развития края.

В XVIII в. Якутия окончательно вошла в сферу государственных, экономических, культурно-исторических процессов, происходящих в России.

Тенденция сотрудничества центральных и местных властей сохранялась и в новых исторических реалиях XVIII в., когда усложнилась структура якутского общества, обозначились новые насущные проблемы и общенациональные задачи. Соответственно менялся формат взаимоотношений «имперский центр – национальные окраины и регионы».

Происходящие модернизационные процессы трансформации Российской империи вынужда-

ли якутскую элиту активизироваться, приспособиться и добиваться расширения своих полномочий и льгот. Консолидированные требования якутской знати оформлялись в виде всеякутских «наказов», «планов» и т.д.

В связи с созывом Екатериной II Уложенной комиссии первоочередной задачей якутского общества стало попасть в депутаты и оформить «Наказ якутов». В 1768 г. в Санкт-Петербург был направлен князец Хангаласского улуса правнук Тыгына Софрон Сыранов с целью добиваться избрания в Уложенную комиссию и представить Екатерине II «Наказ якутов», представляющий собой целый комплекс мер по расширению властных полномочий верхушки якутского общества, в том числе право сбора ясака, создание местных судов по гражданским делам, передать якутам право о замене подворной повинности вольным наймом, контроль за содержанием станций Иркутского и Охотского трактов [АФМВР РАН Ф.11, Оп.1, Д.3, Л.1, 5–169; НА РС(Я) Ф.190, Оп.2 Д.4, Л. 44–47].

Миссия Софрона Сыранова не вполне удалась, было принято два пункта, а именно о назначении сборщиками ясака тойонов, а также о передаче гражданских дел, за исключением криминальных, тойонскому судопроизводству. Важно отметить, что Софрон Сыранов поставил перед иркутским вице-губернатором вопрос об учреждении должности якутского областного головы.

Но в целом поездка Софрона Сыранова в столицу, проводимые масштабные ясачные и аграрные реформы имели огромный общественный резонанс в массовом общественном сознании и подвигали якутскую элиту к дальнейшему диалогу с центром, тем более что Екатерина II объявила политику «защиты их от грабительств и разорения» [Иванов, 1999, с. 47–48].

Следующим посланцем Якутии стал Алексей Аржаков – князец Соттинского наслега и глава Борогонского улуса. Со своей миссией А. Аржаков пробыл в Санкт-Петербурге целых три года (1788–1791 гг.). С собой привез развернутый и аргументированный документ – «План о якутах». Много лет он упорно добивался личной аудиенции Екатерины II, которая состоялась 18 сентября 1789 г.

На аудиенции Екатерины II, продолжавшейся четыре часа, А. Аржаков предстал как выра-

зитель интересов всего якутского народа и заявил, что то, что будет хорошо якутам, будет хорошо России, то есть представил Якутию как часть Российского государственного пространства [Иванов, 1999, с. 59].

В представленном А. Аржаковым «Плане о якутах» содержалось 7 пунктов насущных проблем, которые необходимо разрешить в интересах как России, так и Якутии [Иванов, 2015]. В 1-м пункте значилось учреждение должности областного якутского головы в интересах совершенствования управления якутским обществом и усиления самоуправленческих начал. 2-й пункт гласил об организации всеякутского известного суда, который бы сблизил обычное право якутов с российским законодательством. В 3-м и 4-м пунктах прописывалось освобождение якутов от повинности содержать почтовые станции на Якутско-Иркутских трактах. В 5-м пункте говорилось о необходимости российским чиновникам относиться уважительно к обычаям, нравам и языку аборигенов. В 6-м пункте А. Аржаков ратовал за просвещение народа путем открытия училища для якутских детей. Наконец, 7-й пункт был наиболее важным – посвящался земельному вопросу с идеей отдать землю тем, кто ее обрабатывает. Это означало, что мысль о сохранении частной собственности на землю имеет глубокие корни в якутском обществе [Федерация: проблемы..., 2007, с. 57–78]. 1 октября 1789 г. Государственный Совет рассмотрел «План о якутах», затем Екатериной II были внесены поправки, обойдены лишь пункты о почтовой гоньбе и земельный вопрос.

«План о якутах» как памятник якутской общественно-политической мысли соединил интересы России и Якутии, признав последнюю неотъемлемой частью Российского государства. Интересы якутского общества, его проблемы рассматривались в контексте российской истории.

В качестве основных выводов о характере взаимоотношений России и Якутии в XVII–XVIII вв. обозначим следующее.

Современная историческая методология преодолела политическую ангажированность и классовый подход советской историографии о колониально-эксплуататорской политике царизма в Якутии, о самодержавно-крепостнической деспотии и национальном гнете, превратившем Якутию в тюрьму народов, место поли-

тической и уголовной ссылки, в край невежества и бескультурия.

Мультиперспективный и интегральный подходы к изучению проблемы позволили преодолеть ее односторонность и необъективность. Если рассмотреть изнутри реалии якутского общества на момент прихода русских казачьих отрядов в начале XVII в., то они таковы: Якутия находилась на стадии распада родоплеменных отношений и перехода к социальным связям и догосударственным образованиям. В ней оформились 2–3 крупных племенных союза: кангалаский во главе с Тыгыном, намский во главе с Мымахом и борогонский во главе с Логумом. К приходу русских отрядов они отнеслись по-разному: кангаласцы – враждебно, а намцы и борогонцы, реально оценив соотношение противостоящих сил, настроились на мирное сотрудничество. Дальнейшие контакты со служилыми русскими людьми укрепили позиции второго союза. Да и кангаласцам пришлось после небольших столкновений отказаться от борьбы и признать власть Русского государства. Таким образом, верноподданическая политика якутских родоначальников определила мирный характер перехода в российское подданство.

Мирному характеру вхождения якольской земли способствовала сама политика России, которая в начале XVII в. пережила Смуту, то есть экономический, социальный, династический, военный кризисы. Она была далеко не могущественным государством, а, только что отстояв свою независимость, вставала с колен.

Русское государство вело в отношении вновь приобретенных восточных земель щадящую экономическую политику сохранения традиционного уклада жизни, обычное право.

Практически с самого начала верхушка якутского общества убедилась в эффективности и перспективности сотрудничества с органами государственной власти. Она вела неуклонную политику укрепления собственной власти над родичами, расширяла властные полномочия путем получения титула князцов, участвуя в сборе ясака, местного судопроизводства.

Со второй половины XVII в. наладились личные контакты якутской элиты с правителями России, поездки якутских делегаций к Алексею Михайловичу, Федору Алексеевичу с конструктивными вопросами определяли дальнейший

диалоговый характер взаимоотношений центра и национальных регионов.

В XVIII в. личные контакты якутской элиты приобрели более общественно-полезный характер и звучание. Речь шла об участии представителей народа саха в государственных и местных органах власти, в «Наказах» и «Плане о якутах» ставились общенациональные якутские и общегосударственные проблемы: об эффективной экономике, модернизации производственных процессов, о местном самоуправлении и др.

В заключение отметим, что вхождение Якутии в состав России стал судьбоносным и навсегда определил перспективу развития народа саха как неотъемлемой части Российской Федерации.

В итоге с самого начала в России сложилась особая диалогичная, локальная цивилизация. Россия не была классической колониальной державой. В силу территориальной приращенности процессы взаимопроникновения культур, адаптации, сращивания российских государственных структур с традиционными местными происходили быстрее и в более мягкой форме. Отсутствовала обычная ассимиляция коренного населения края.

Подобная диалоговая цивилизация закладывалась с самого начала перехода Якутии в подданство России. Ее истоки свидетельствуют об этом.

Литература и источники

АФМВР РАН – Архив востоковедения Института восточных рукописей РАН: Ф. 11, Оп. 1, Д. 3, Л. 1, 5–16.

Борисов А.А. Якутское общество и обычное право в XVII – начале XX вв. – М.: Университет, 2002. – 160 с.

Борисов А.А. Россия и Якутия: сквозь призму истории / Россия и Якутия: сквозь призму истории / Отв.ред. В.Б. Игнатъева. Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007.

Борисов А. А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования) / Отв. ред. В.Н. Иванов; Россий-

ская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т гуманитарных исслед. и проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск: Наука, 2010. – 269 с.

Борисов А.А., Дамешек Л.М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркутского государственного университета. – 2011. – № 1 (6). – С. 123–135.

Борисов А. А. Исторические личности Якутии: Мымах и его потомки. – Намцы: Көмүөл, 2017. – 186 с.

Государственный архив Иркутской области. Ф. 24, 788; НА РС(Я) Ф.29, 36, 50, 192, 206, 429.

Дамешек Л.М. Интеграция Сибири в России как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 19–20 июня 2003 г. – Новосибирск, 2003. – С. 6–11.

Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства / Отв. ред. Д.А. Ширина; АН РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. – Новосибирск: Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1999. – 208 с.

Иванов В.Н. Управление народами Сибири: исторический опыт (XVII – нач. XX в.) // включает: Управление Россией. Опыт, традиции, новации XVI–XX в. – М., 2007а. – С.251–268.

Иванов В.Н. Вхождение Якутии в геополитическое пространство Русского государства (XVII в.) // Россия и Якутия: сквозь призму истории / Отв. ред. В.Б. Игнатъева. Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007б.

Иванов В.Н. Алексей Аржаков. – Якутск, 2015. – 132 с.

Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С. 229–251.

Капеллер А. Национальные отношения и национальная политика в Российской империи (XIX в. – 1917 г.) / В кн.: Россия в XXI в. Проблемы национальных отношений. – М., 1999.

НА РС(Я). Ф. 190, Оп. 2. Д. 4. Л. 44–47.

НА РС(Я). Ф. 29, 36, 50, 192, 206, 429.

РГИА РФ. Ф. 1363. Ф. 124. Ф. 1276.

Степанова С.В. Борьба за самоуправление: «Союз инородцев-якутов». – Якутск: Бичик, 2006. – 128 с.

Федерация: проблемы взаимоотношений центра и регионов в современной системе координат / Под ред. В.Б. Игнатъевой. – Якутск: изд-во СО РАН. Якут.фил., 2007.

Yakutia as the Part of Russia: the Origins of Interethnic Dialogue

The article deals with the actual problem of a new interpretation of the origins and nature of relations between Russia and national regions. The modern methodological approaches have allowed us to study the history of their relations not as a colonial yoke, but as an intercivilizational dialogue, using the example of Yakutia's joining the Russian state in the 17th century.

The article uses a modern integral multi-perspective approach that opens up the possibility of dialogue, overcoming one-sidedness, when the "Yakut" part of the situation was excluded. The article analyzes the actions of the Yakut toyonat, the national elite, and the intelligentsia in different historical periods that influenced the replacement of the center – national outskirts relationship format. So, in the XVII century there was a twofold internal reaction of Yakut society to the arrival of Russian detachments, and then, serving people: at first, the hostile attitude to the Kangalas led by Tygyn; secondly, in the awareness of the strength and power of the Russian state, in order to avoid bloodshed, the desire for peaceful cooperation by the Borogonians, led by Loguy and Namsky prince Mymakh. The personal contacts were established with the Yakut elite with the rulers of Russia, trips of Yakut princes were effective and constructive from the second half of the XVII century and in the XVIII century. At the beginning, this factor determined the further nature of the relationship between the center and national suburbs as a dialog. As a result, Russia has developed a local dialogue civilization. Russia did not become a colonial power due to a number of factors: national borders were enlarged in territorial terms, the process of mutual adaptation was rapid, Russian state structures were growing, and there was no traditional assimilation of the indigenous population.

The role of the Yakut toyonat, the national elite, and the intelligentsia as a positive and progressive democratic social force is reviewed.

Keywords: the national elite, civilization, dialogue, the colony, toyonat, orders